

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Свободный полет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806765

Аннотация

«В этом есть что-то особенное. Это не просто свободный полет шара с тремя пассажирами – это знамение времени, это торжество культуры, это символ!

При грохоте и восторге сытой, пьяной и развеселой толпы из сада г. Омона поднимается воздушный шар с тремя представителями трех различных отраслей московской культуры. Неустрашимый аэронавт г. Жильбер, очень известный журналист г. Эр, сотрудник „Московского листка“...»

Леонид Николаевич Андреев Свободный полет

В этом есть что-то особенное. Это не просто свободный полет шара с тремя пассажирами – это знамение времени, это торжество культуры, это символ!

При грохоте и восторге сытой, пьяной и развеселой толпы из сада г. Омона поднимается воздушный шар с тремя представителями трех различных отраслей московской культуры. Неустрашимый аэронавт г. Жильбер, очень известный журналист г. Эр, сотрудник «Московского листка»¹, и омовская певица. Имя последней неизвестно, и сам присяжный историограф сада «Аквариум» г. Эр в своем высокопоучительном описании путешествия называет ее просто «барыня». Для полного комплекта не хватает хотя бы одного околочного надзирателя. Зато, впрочем, есть коньяк и рябчики.

Земля спит тяжелым и глубоким сном. Ни огня, ни проблеска жизни. Тьма, безмолвие; загадочная пустыня. Живы ли там люди и только спят, или все они повымерли?

Путешественники философствуют.

---

¹ «Московский листок» (1881–1918) – один из первых в России органов бульварной прессы.

– Как там скучно, – говорит журналист и плюет вниз.

– О да, – отвечает неустрашимый аэронавт. – Но разве это люди?

Тоже плюет. Певица трясется от страха и просится:

– Хочу вниз!

Журналиста охватывает легонькая дрожь – от сырости? – и он мужественно говорит:

– Действительно, г. Жильбер, не лучше ли опуститься. А то залетим, куда Макар телят не гонял...

– Мы-то, – удивляется неустрашимый аэронавт.

Даже певица и та перестает трястись и выполняет руладу, полную храбрости и благонадежного веселья. Журналист чувствует свою ошибку и поправляется:

– Дело в том, что я сейчас не могу умирать. Положительно не могу. На мне лежит такая высокая обязанность... перед родиной, перед миром. И, кроме того, аванс.

– У меня тоже аванс, – рыдает певица.

Временно корзина наполняется стонами и воплями. Земля спит и не чувствует, какая страшная драма разыгрывается в верхних слоях атмосферы. Выручает всех неустрашимый аэронавт.

– Успокойтесь, господа. За храбрых сама судьба. И потом у нас есть гайдроп.

– Гайдроп?

– Да, канат. Он волочится по земле, цепляется за ее поверхность и замедляет ход.

Журналист быстро соображает и, просияв, спрашивает:

– А если какой-нибудь прохожий подвернется под гай-дропп?

– То будет сбит, – решительно отвечает неустрашимый аэронавт.

– Ха-ха!.. – закатывается журналист.

– А-ха-ха!.. – заливается певица.

– Хе-хе, – поддерживает аэронавт.

Путешественники ликуют. Земля спит. Все охвачено тьмой. Внизу безмолвие и тяжелый загадочный сон. Вверху – звонкие рулады, бульканье и веселые возгласы:

– Пью за французов, г. Жильбер!

– Пью за русских, г. журналисты!

Певица затягивает «Марсельезу», но, по незнакомству с мотивом, переходит на:

– Караул, разбой, батюшки мои, мои...

Земля спит, но на востоке уже загорается заря. Беседа высоких путешественников принимает спокойный, созерцательный характер. Неустрашимый аэронавт бросает вниз обглоданную косточку рябчика и глубокомысленно замечает:

– Вот мы едим рябчика, а они что?

– Глину, – острит журналист, отправляя вниз опорожнившуюся бутылку. В корзине веселье и новые тосты.

Земля просыпается. На поле выгоняется скотина; кое-где показываются люди. Начинается самая прелесть путешествия. Здесь я позволю себе привести дословную выдержку

из описания г. Эра. Она красноречива, искренна и правдива:

«Мы видим, как пасущиеся в открытом поле животные, заслышав звук рожка г. Жильбера и заметив несущееся над ними серое чудовище – шар, в испуге разогаются во все стороны с диким криком и ревом; мы замечаем, что и на людей вид нашего шара производит не менее сильное впечатление. Мужики и бабы впопыхах выбегают из изб, другие мгновенно бросают работу, и многие от неожиданности явления падают ниц на землю. Мы даже слышим их ругань и проклятия, когда гайдроп неосторожно задевает и опрокидывает сложенную в порядке коноплю и крыши их изб». Путешественники помирают со смеху.

– Вот ослы-то! – говорит журналист и, ввиду поднявшейся изжоги, впадает в кратковременную меланхолию. – Невежественная темная страна. Сколько еще нужно забот, чтобы просветить. Страшно подумать...

– Ах, как они ругаются, – жалуется певица.

– А что? Опять, кажется, крышу сорвали? – вглядывается журналист и хохочет. – Смотрите, смотрите – чуть всю избу не завалило. А баба-то, баба-то – на четвереньках!

Хохот. Но обозленные невежды как-то ухитряются схватить конец гайдропа и удерживают шар. Путешественников охватывает благородное негодование и страх.

– Пустите! – кричат они. – Пустите же, голубчики. Пустите, а то жаловаться будем!

Но мужики неумолимы. Они привязывают шар к дверно-

му косяку избы и ругаются. Но неустрашимый аэронавт выручает и здесь. «Он выбрасывает немного балласту, – пишет г. Эр, – шар с страшной силой рванулся вверх, потянув за собой и гайдроп... и снес всю крышу избы, к которой его привязали мужики».

– Много взяли? – кричит насмешливо журналист и показывает фигу.

Певица выполняет благонадежно веселую руладу.

В селе Новоселье в путешественников стреляют из ружей, но не попадают.

– Какое невежество! – восклицает неустрашимый аэронавт.

– Какая дикая, бессмысленная злоба! – тоскует певица.

– Мне стыдно быть русским! – сокрушается журналист. –

От лица всей интеллигенции приношу вам горячее извинение, г. Жильбер. Передайте мое глубокое сожаление о случившемся высокочтимому амфитриону г. Омону. От лица всей русской прессы прошу его не придавать значения этому прискорбному факту. И смею надеяться, что ни на количестве бутербродов, ни на качестве всего остального это не отразится.

– Я с удовольствием извиняю Россию, г. журналист, но как посмотрит на это г. Омон...

– Пожалуйста, я умоляю вас. Хотите, я стану на колена?

– Хорошо, хорошо, я постараюсь. Чувство справедливости подскажет г. Омону, что вы не ответственны за грех ва-

ших невежественных и некультурных соотечественников.

Конец путешествия несколько изгладил неприятное впечатление и возродил надежду на возможность культуры и в России. Спустился шар в Калужской губернии, около города Мещовска. «Из Мещовска, где в тот день открылось земское собрание, прибыли к месту спуска шара губернский предводитель дворянства, уездный исправник и масса горожан».